

Надежда Загрибелная

ВОСТОРГ ДУШИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ

...Для людей счастливых сердцем жизнь – празднество.

Библия. Притчи 15:15

Это было давно. 18-летней девчонкой я впервые приехала в Ленинград, который, как пелось в популярной тогда песенке, «не изменяя веселой традиции», встретил меня серым небом и холодным проливным дождем. Прогулка по городу, назначенная на первый день, естественным образом отменилась, и пришлось отправиться в Русский музей, визит в который, разумеется, был запланирован, но на более поздние даты. Русский музей по сравнению с уютной и родной с детства Третьяковкой показался слишком большим, парадным, погруженным в атмосферу некоего музейного официоза, а по сравнению с ухоженным и элегантным московским Музеем изобразительных искусств был довольно обшарпанным и явно нуждающимся в ремонте. Словом, он как-то проиграл в моих глазах по сравнению с московскими музеями. Не знаю, может быть, тому виной и серое ленинградское небо, и неуютность моего существования в несколько чопорном, как мне показалось тогда, городе (я по-прежнему остаюсь поклонницей пестрой, раздольной, более солнечной Москвы), но мое путешествие по залам русской живописи протекало ровно, без эмоциональных всплесков.

Многое, знакомое по репродукциям, почему-то не волновало при встрече с оригиналом, как это случилось во время первого визита в Третьяковку, когда я буквально захлебывалась от восторга нового узнавания давно знакомого, открывая в нем неведомые ранее грани. Словом, я уныло брела по залам Русского музея, особо не ожидая никаких художественных откровений. Но войдя в очередной зал, я буквально запнулась на самом пороге. Это было похоже на вспышку яркого света и цвета: от картин – я в первый момент даже не поняла каких – шел поток, заливающий весь зал, и лишь спустя несколько мгновений я осознала, что стою перед «Масленицей» Бориса Кустодиева. До сих пор остро помню этот момент мгновенного эмоционального пробуждения: показалось, что в промозглый, неуютный день под своды высоких отстраненно-величественных потолков мощным контрастом и по отношению к ним, и к настроению всего дня ворвался свежий морозный свет и звенящий неизбывной радостью цвет. Как будто бы запыхавшись от веселых зимних забав, в жизнь неожиданно вернулось детство с его по-особенному яркими красками и не менее яркими эмоциями, с тем самым

неповторимым пушкинским ощущением, что день чудесен просто оттого, что «мороз и солнце»!

К сожалению, ни одна репродукция работ Бориса Кустодиева не в состоянии передать этих тончайших переливов в оттенках белого снега, освещенного солнцем и покрытого тенью деревьев, неба с игрой разноцветных облаков. Не знаю, каким образом это получалось у художника, но Кустодиев писал не просто зимний пейзаж со всеми его приметам, он писал свет, пронизывающий радостью весь пейзаж, звенящий, морозный, перехватывающий дыхание воздух, его непередаваемый запах... Чем пахнет морозный воздух? Вряд ли кто-то сможет описать этот запах словами, а он ведь пахнет, да еще как! И Кустодиев смог его описать, точнее, изобразить: он писал и хруст снега под ногами, и сиренево-голубые тени на белоснежном снегу, и звон колокольчиков под дугой резво бегущих лошадей, и густой, раскатистый звон больших колоколов, разливающихся над городом с заснеженных колоколен, он писал многоголосицу народного гуляния, создавая живописный камертон веселому празднику – и все это было наполнено морозным, свежим, душистым воздухом. Этот воздух – один из главных героев его зимних пейзажей.

Я чувствовала, что свет этой картины отразился счастливой улыбкой на моем, до этого унылом, лице, обернувшись, увидела рядом с собой такие же просветленные лица зрителей, замерших в счастливом мгновенье у полотен художника. Помню, тогда подумалось: каким же счастливым человеком надо быть, чтобы так писать и так воздействовать своим творчеством на сердца зрителей... Тогда я не знала о жизни этого художника ничего.

Кустодиев не раз обращался к теме народного гуляния, причем в разное время года, но лучше всего ему удавалась зима. Только «Масленицу» он писал трижды, и всегда в ней звучали немеркнущие, звенящие краски, самое радостное настроение.

Неподалеку от звонкой «Масленицы» – портрет Федора Шаляпина, великого русского певца. Его любили писать русские художники, а начало портретной серии певца положил в 1902 году писатель Леонид Андреев, который в статье о Шаляпине призвал художников «исправить ту жестокую несправедливость жизни, что испокон веков тяготеет над певцами и актерами», и запечатлеть образ певца и его творений на полотнах.

Художники с большим энтузиазмом откликнулись на призыв писателя. Еще бы, такую колоритную по внешним данным «модель» писать – одно удовольствие, а если сюда добавить и размах русской души, врожденный артистизм, сквозящий в любом движении и позе, и огромный талант, то сложно представить, кто мог устоять перед соблазном соприкоснуться с такой личностью и заодно обогатить свое творчество яркой работой! Портреты певца в разное время писали Илья Репин, Александр Головин, Леонид Пастернак, Борис Григорьев и другие художники.

Одни из самых известных портретов Федора Шаляпина – живописный кисти Константина Коровина и графический, созданный Валентином Серовым. И в первом, и во втором портретах угадывается личность незаурядная, артистическая. Коровин писал своего друга летом 1911 года, когда они вместе отдыхали во Франции. Видимо, романтическая атмосфера страны сыграла свою роль и в

выборе цветовой гаммы, и в самой композиции с ее атрибутикой. В особой размашистости, щедрости письма художника прочитывается и характер изображаемого: небрежно-артистическая, дозированно расслабленная поза, элегантный светлый костюм, гармонирующий со всем обликом модели, красивый букет, фрукты в вазе, хрустальная посуда, бокал с вином и атмосфера некоей изнеженности создают образ эдакого «денди». Хотя национальность угадать сложно, скорее всего, европеец, также непросто определить род его деятельности.

Лаконичный и элегантный портрет работы Валентина Серова не оставляет сомнений, что перед нами артист. Предельную сосредоточенность певца художник передает минимальными графическими средствами, портрет создан углем и мелом на белом холсте, но мастерское владение рисунком позволяет художнику передать самое главное: состояние певца перед выходом на публику. Уже набран воздух в легкие, еще мгновение – и зазвучит шикарный раскатистый голос. Те, кто хоть раз слышал бархатный глубокий бас Шаляпина, глядя на этот портрет, непременно услышат его.

Все портреты хороши, но каждый из них отражает одну, в лучшем случае, несколько граней личности певца. И только портрет кисти Бориса Кустодиева раскрывает образ во всей его многогранности. Считается, что это лучший из всех портретов, созданных художником, и лучший из всех портретов, изображающих Шаляпина. Портрет был очень любим Шаляпиным. Он не захотел с ним расстаться и увез с собой в 1922 году за рубеж. На Родину портрет вернулся лишь в 1968 году, благодаря дочерям Шаляпина, которые решили, что портрет великого русского певца кисти великого русского художника должен быть возвращен туда, где он был создан, – на русскую землю. Кстати, еще маленьких в ту пору Марфу и Марину тоже можно увидеть на этом полотне. Румянощечки и веселые, они, не ведая о всех перипетиях судьбы, которые выпадут на их долю, чинно совершают свой променад по раздольной шумной ярмарке вместе с отцом и изображены внизу, за пригорком.

Федор Шаляпин как будто только что вышел из яркой толпы народного гуляния Масленицы и на минуту задержался на высоком пригорке, наблюдая за веселящимся людом. Кустодиеву удалось органично соединить в портрете истинную народность певца, выходца из крестьянской семьи, и сибаритство «русского барина», достигшего благодаря своему таланту и труду высокого материального уровня, о котором свидетельствуют и элегантный театральный костюм, и дорогая бобровая шапка, и красивый артистически откинутый шарф, и роскошная шуба (Кустодиев непременно хотел изобразить его в этой шубе, возможно, увидев в ней связь и с русскими суровыми зимами, и с нарочитой театральностью певца).

Парадность облика певца совершенно не противоречит простоте народного веселья, шумящего за его спиной. Шаляпин одновременно и отделен от толпы, и слит с нею, черпая из нее силы и вдохновение. И вся эта внешняя, казалось бы, необязательная атрибутика очень удачно играет на цельный образ певца: дорогая шуба нараспашку, как и душа певца, по-настоящему русская, широкая, не терпящая никаких стеснений и условностей. Очень интересен придуманный художником изобразительный ход: с одной стороны, задний план портрета – это жанровая сцена из жизни русского городка, а с другой стороны, это очень похоже на театральную декорацию, столь органично сочетаемую с образом оперного

и народного певца. «Всем известна его удивительно яркая Россия, звенящая бубенцами и Масляной. Его балаганы <...> его сдобные красавицы, его ухари и молодцы <...> сообщают зрителю необыкновенное чувство радости. Только неимоверная любовь к России могла одарить художника такой веселой меткостью рисунка и такую аппетитной сочностью краски в неутомимом его изображении русских людей», – писал о творчестве Бориса Кустодиева Федор Шаляпин.

Кстати, страна Советов явила и здесь свою неприглядную гримасу: Федор Шаляпин в 1918 году в числе других деятелей искусства стал первым народным артистом республики, а в 1927 году во время зарубежных гастролей был лишен этого звания и заодно права возвращаться на Родину, и только спустя 64 года незаконное постановление было отменено. Впрочем, что великому певцу до всех этих политических акций и интриг – он всегда был народным певцом, независимо от каких-либо официальных решений.

Во всем облике Шаляпина, созданном Борисом Кустодиевым, тот же артистизм, та же мощь, что и в портретах Валентина Серова и Константина Коровина, но теперь вряд ли кто-то засомневается в его национальности. «Здесь русский дух!» – с уверенностью может воскликнуть каждый, кто видел этот портрет. И дело не только в самом образе певца, олицетворяющем размах русской души, – как известно, короля делает его свита, так и этот портрет во многом «делает» задний план, на фоне которого изображен певец: залитые полуденным солнцем сиренево-розовые заснеженные деревья, утопающие в бирюзово-ультрамариновом небе, снег в причудливых узорах синих теней, отбрасываемых деревьями, разноцветная россыпь нарядных людей, веселые балаганы с зазывалами, лотки со всякими вкусностями, начищенные медные самовары с горячим душистым чаем, чинные попы, залихватские гармонисты, словом, тот самый чудной калейдоскоп, каждое мгновение рождающий новую красочную картинку, а в целом создающий атмосферу народного гуляния. Здесь пахнет свежим снегом и душистым пряником, здесь глоток морозного воздуха запивается крепким горячим чаем из медного самовара, отражающего в себе зимнее солнце, здесь легко и счастливо дышится, здесь тот самый «восторг души первоначальный», знакомый каждому, но не каждым в душе сохраненный... Кустодиевым этот восторг был сохранен: почти во всех работах художника слышны отголоски его пестрого, солнечного астраханского детства. Трудно в это поверить, но весь «задник» портрета, все эти многочисленные сценки народного гулянья извлекались художником из «золотых запасников», накопленных с детских лет, и писались художником по памяти.

И очень сложно представить, что это безудержное ликование красок, звуков, образов рождалось под кистью человека, ежедневно преодолевающего физические страдания, много лет прикованного к инвалидному креслу. «Много я знал в жизни интересных, талантливых и хороших людей, но если я когда-либо видел в человеке действительно высокий дух, так это в Кустодиеве», – писал в своих воспоминаниях о Кустодиеве Федор Шаляпин.

Болезнь в полную силу дала о себе знать еще в 1911 году. Он стойко переносил недуг. Художник Мстислав Добужинский писал Александру Бенуа из Швейцарии: «Он очень нездоров и ни на что не жалуется. Обречен носить корсет на шее, что мучительно и безобразно». Периодами ему становилось легче, и появ-

лялась надежда на выздоровление: «Такие дивные дни и так все красиво кругом, что забываешь, что ты болен и что есть какая-то другая жизнь, там внизу, с ее движением, сутолокой и заботами... Удивительная вещь эта красота природы! И никогда я, кажется, не чувствовал так сильно желания жить и чувствовать себя живущим», – пишет он в письме своей жене Юлии в 1912 году.

Но болезнь не собиралась отступать. Трудно представить, что пришлось пережить супруге художника при решении вопроса, который поставили перед ней хирурги: что оставить оперируемому Кустодиеву – руки или ноги, и та, как истинная жена художника, делает единственно возможный выбор, она оставляет ему руки, зная, что, будь ее муж в сознании, он принял бы такое же решение. Это произошло в том же 1916 году, когда была написана веселая жизнерадостная «Масленица»... После этого было еще 11 лет мучительных болей и прекрасных, звенящих радостью бытия картин.

Что, кроме творчества, помогало художнику преодолевать физические и неразрывно связанные с ними душевные муки? Конечно же, семья: любимая жена Юлия, дети – Ирина и Кирилл, в которых художник души не чаял. Дочь Ирину Кустодиев неоднократно изображал на своих полотнах, ее образ был очень близок к женскому идеалу красоты в представлении художника. Но искать истоки жизнелюбия и стойкости только в окружении было бы крайне несправедливым по отношению к личности самого Кустодиева. Творчество художника пришлось на переломные, крайне тяжелые годы в судьбе России: Первая мировая война, сотни тысяч убитых и раненых, три революции, свержение самодержавия, убийство царской семьи, гражданская война, мятежи и массовые репрессии, разруха, голод, беспризорничество... Россия погружена в хаос. В это время в России творят художники, в творчестве которых отражаются мрак и удручающая нестабильность эпохи.

Тревожным предзнаменованием будущих социальных потрясений рождается из-под кисти Казимира Малевича «Черный квадрат»; разбивается на осколки прежняя патриархальная жизнь в литографиях Натальи Гончаровой, и не понять, то ли это ангелы пытаются охранять летящие аэропланы, то ли новые машины своими железными крыльями ломают крылья ангелов; «разрываются атомы» привычного мира на полотнах Павла Филонова. Не только Россия переживает смутные времена, почти весь мир охвачен тревожным состоянием и предчувствием больших перемен с неизвестным итогом. Немецкий художник Макс Эрнст, призванный на войну в 1914 году, в своей биографии много лет спустя напишет: «1 августа 1914 года М. Э. умер. Он воскрес 11 ноября 1918 года». Но еще долго отголоски пережитого заявляли о себе в его творчестве.

Новая власть устанавливает свою диктатуру, она всемогущим спрутом проникает во все сферы жизни, в том числе и в культуру. Начинается преследование интеллигенции и массовая ее эмиграция: в 1918–1922 годах Россию покидает более 2,5 миллионов человек. Вот на этом безрадостном и почти безнадежном фоне в сопровождении неизлечимой мучительной болезни, приковавшей художника навсегда к инвалидному креслу, развивается творчество Бориса Кустодиева. Возможно ли найти в нем какие-либо отголоски происходящего? Почти нет. Что это – политический и социальный дальтонизм? Приспособленческая позиция? Желание оградить свой мир от тревог и трагедий большого мира? Не думаю.

Можно назвать лишь несколько работ художника, в которых затрагивается тема революции. Одна из работ, «Большевик», написана в 1919 году. И самим названием, кажется, все сказано. И в годы советской власти эту работу трактовали неизменно как изображение победы большевизма в России, как гимн новой власти. Не знаю, действительно ли искусствоведы видели в этом полотне то, о чем рассказывали зрителям, или советская идеология не допускала иного видения, но громадная фигура большевика с красным знаменем, развевающимся, разливающимся над городом как предзнаменование будущих рек крови, наводит если не ужас, то настоящее смятение. Взгляд большевика совершенно фанатичен, он шагает к одному ему ведомой цели, не замечая ничего на своем пути, не обращая внимания на потоки людей под своими ногами, давя их огромными сапожищами. Еще мгновение – и обрушится под его натиском синий в золотых звездах купол церкви, один из тех, что с такой любовью выписывал художник во многих своих работах. Такого гротеска, такого мощного обличения нет больше ни в одной работе Кустодиева.

Думаю, искусствоведы советской эпохи явно лукавили, приписывая художнику откровенные большевистские симпатии, якобы проявленные в этой работе. Возможно, они в определенной мере и имелись в жизни художника, как и у других представителей интеллигенции того времени, но человек с такой тонкой душевной организацией, пусть даже наряду с надеждой на лучшие перемены, не мог не чувствовать опасности, которую таила в себе новая власть. И многое, что он подспудно чувствовал, просто не мог не чувствовать, будучи художником, прописано в этом полотне весьма отчетливо. И сейчас, спустя более ста лет после революции, оценка, данная в этом полотне большевизму, звучит настолько трезво, что произведение кажется написанным с позиции современного отношения к революции и ко всем ее сокрушительным последствиям.

Но, несмотря ни на что, Борис Кустодиев действительно жил с верой в лучшее. Его дочь Ирина спустя много лет вспоминала, как отец не раз говорил ей с братом: «Счастливые вы, доживете и увидите всю красоту предстоящей жизни...» Он искренне этого хотел и надеялся, что такое время настанет. Именно эту надежду он вложил в портрет своих детей, написанный в 1913 году. Последующие годы изменили многое...

Так же верили в лучшее и двое молодых ученых, пришедших однажды к художнику... И, хотя эта история известна многим, всё же хочется еще раз напомнить о ней – уж больно она хороша не только необычностью самого заказа, но и своим продолжением в реальной жизни.

В морозный день 1921 года, когда художник писал портрет Шалапина, к нему пришли два молодых парня и попросили написать их портрет. Зная, что Кустодиев известный художник и пишет портреты знаменитых людей, молодые люди самонадеянно заявили, что хотя они пока не знамениты, но непременно станут таковыми. Сложно доподлинно сказать, как происходил процесс «обольщения» художника, видимо, сыграли роль и ораторские способности, и молодой напор, и обаяние, словом, до того были хороши эти двое в своей розовощекой молодости, что Кустодиев не смог им отказать. За оптимизмом, однако, скрывалась и недавно перенесенная трагедия: Петр Капица за год до этого потерял молодую жену и двух детей, умерших от испанки. Но жизнь и молодость берут свое, а может, чтобы

победить эту затянувшуюся депрессию, два друга и затеяли эту художественную авантюру, одним словом, визит состоялся, согласие было достигнуто, и работа началась. С деньгами у начинающих ученых было, видимо, туго, и платой за портрет стали живой петух и мешок зерна.

Продолжение этой истории не менее необычно, чем сам визит никому еще не известных молодых людей к именитому художнику и просьба написать их, – они сдержали свое обещание и стали по-настоящему знаменитыми учеными. Николай Семенов, тот, что на портрете справа и в профиль, спустя 11 лет становится академиком, одним из основателей советской школы химической кинетики, а в 1956 году получает вместе с британским ученым Сирилом Хиншевульдом Нобелевскую премию «за исследования в области механизма химических реакций». Петр Капица – румяный франт с курительной трубкой в руке, через год, в 1922 году, начинает работать в Кембридже под началом Эрнеста Резерфорда, в 1929 становится членом Лондонского королевского общества, а в 1939 – академиком. В 1978 году ему была присуждена Нобелевская премия по физике «за фундаментальные изобретения и открытия в области физики низких температур». И Петр Капица, и Николай Семенов прожили долгую и творчески счастливую жизнь, так весело и бесшабашно предугаданную ими и художником в далеком 1921 году.

Это единственный в истории мировой живописи портрет двух лауреатов Нобелевской премии, написанный задолго до того, как они стали таковыми. Портрет создан в голодной разрушенной стране со смутно угадывающимся будущим, но с большой верой в лучшее как со стороны художника, так и со стороны портретируемых. Кстати, много лет спустя Петр Капица подарил Николаю Семенову копию этого портрета со следующей надписью: «Портрет хорошо сохранился, а мы здорово постарели. Но в душе мы оба такие же молодые и глупые, как выглядим на портрете».

Можно было бы обойтись и без этой истории, но она, как мне кажется, очень показательна в рассказе о Кустодиеве. Думаю, что тяжелобольной художник взялся за этот портрет еще и потому, что уловил в молодых людях тот же «восторг души первоначальный», который был свойственен ему самому. Именно этот высокий дар был самым мощным наркотиком, позволявшим преодолевать художнику бездну физических страданий и хаос, который царил в мире. Несмотря ни на что, он творил свою реальность, творил наперекор личной судьбе, наперекор судьбе страны.

Р. С. У Ольги Седаковой есть стихотворение «Ангел Реймса», в котором в одном-единственном предложении розовый, улыбающийся Ангел, посланный к Человеку, перечисляет многие беды, которые могут случиться с человечеством и к которым следует быть готовым:

*«...к морю, гладу, трусу, пожару,
нашествию иноплеменных...»*

В конце Ангел, перебивая себя, задает вопрос, который адресован каждому из нас:

*«Нет, я не об этом обязан напомнить.
Не за этим меня посылали.»*

*Я говорю:
ты
готов
к невероятному счастью?»*

Гениальные строки! Как это важно – быть готовым не только ко всем бедствиям, возможным в этой жизни, но и к невероятному счастью! Может, это не менее важно? Многие ли из нас готовы к нему? Когда впервые прочитала эти стихи Ольги Седаковой, то сразу вспомнила о Кустодиеве, и подумалось, что тогда в Русском музее я не ошиблась, решив, что звенящие радостью полотна были написаны очень счастливым человеком. В отличие от многих, Борис Кустодиев родился готовым к невероятному счастью и осознавал его присутствие в своей жизни, вопреки неласковой к нему судьбе. В этом, думаю, главный секрет его творчества.

